

«МИХАИЛ АРДОВ»



СЕРЖАНТ
ЗВУКА

СМЕНА РЕГИСТРА

18+

Михаил Ардов

Сержант звука. Смена регистра

<https://litres.ru/74616474>

SelfPub; 2026

Аннотация

Худсовет пройден, первый сингл гремит из каждого советского кассетника, а суровый отец-чиновник признал мое право на гитару вместо дипломатического костюма. Казалось бы, первый раунд за мной. Но в 1979 году слишком громкий успех опасен, особенно если твои песни подозрительно точно предсказывают будущее.

Теперь я на Лубянке. КГБ не верит в случайности, и вежливый майор в сером костюме очень хочет знать, откуда у обычного школьника терабайты хитов XXI века и закрытая аналитика по геополитике. Чтобы спасти группу, мне придется вести опасную игру со спецслужбами на их же поле.

Впереди Олимпиада-80, интриги номенклатуры, миллионные тиражи пластинок на «Мелодии» и первый заграничный соблазн. На кону — не просто музыкальная карьера, а жизнь и любовь Светы, которую я обязан уберечь от черномыльской катастрофы. Ставки взлетели до небес, спецслужбы заряжают аппараты слежки, но старый лабух не привык отступать. Пришло время для смены регистра!

Содержание

Дисклеймер	4
Глава 1. Чай с майором	5
Глава 2. Студия на Станкевича	11
Глава 3. Черный лед на Садовом	16
Глава 4. Звонок особого назначения	21
Глав	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Михаил Ардов

Сержант звука.

Смена регистра

Дисклеймер

Данное произведение является художественным вымыслом. Все совпадения с реальными именами, персонажами и событиями являются частью авторского замысла в жанре альтернативной истории и не преследуют цель оскорбить чью-либо честь или достоинство.

Глава 1. Чай с майором

Внутренний двор здания на Лубянке, куда черная «Волга» бесшумно вкатилась через тяжелые кованые ворота, выглядел серо и буднично. Никаких мрачных застенок, лая собак или колючей проволоки. Обычный чистый асфальт, глухие желтые стены-коробки и редкие аккуратные сотрудники в штатском, перешагивающие через лужи московской осени семьдесят девятого.

Но у Миши, несмотря на его ментальный шестидесятидвухлетний возраст, внутри все равно натянулась тугая, звенящая струна. Одно дело — крутить пальцы перед дворовыми люберами или блефовать перед трусливым директором ДК. И совсем другое — оказаться в главном аналитическом сердце советской государственной машины.

Сопровождающий в сером костюме вежливо, но непреклонно довел его до третьего этажа и открыл массивную дубовую дверь кабинета 314.

— Проходи, Михаил Николаевич. Присаживайся, — раздался негромкий, приятный баритон.

Кабинет оказался на удивление светлым. У окна за большим столом, заваленным папками «Дело», сидел подтянутый мужчина лет сорока пяти. Безупречно отглаженная светлая рубашка, аккуратный галстук, короткая армейская стрижка с легкой проседью и удивительно спокойные, вни-

мательные серые глаза. На лацкане висевшего на спинке стула пиджака тускло поблескивал значок «Почетный сотрудник госбезопасности».

— Я майор Костин, Игорь Владимирович, — представился хозяин кабинета, указав Мише на стул напротив. — Чай будешь? Индийский, со слоном. Лимон имеется.

— Не откажусь, товарищ майор, — Миша спокойно сел, положив руки на колени. Голос прозвучал ровно, без подростковой дрожи, что заставило Костина едва заметно приподнять бровь.

Майор поднялся, налил из хромированного кипятильника две кружки густого чая в подстаканниках, придвинул одну Мише и сел обратно. На середину стола легла знакомая золотистая коробочка кассеты *Maxell* — та самая, с олимпийской демо-записью «Резонанса».

— Ну что, сержант звука... — Костин мягко улыбнулся, но взгляд его оставался холодным, как лед. — Песня у вас со Светланой Соколовой получилась замечательная. Иннокентий Петрович из Худсовета от нее в восторге. Но мы здесь, на Лубянке, музыку, как ты понимаешь, слушаем специфически. Мы больше по текстам специализируемся. По семантическому анализу, так сказать.

Майор открыл тонкую синюю папку и достал оттуда лист, исписанный на машинке.

— Вот, например, строчки из твоей более ранней песни, которую ты передал гражданину... Айзенштадту, — Костин

сделал паузу, многозначительно посмотрев на Мишу. — *«Белый снег, серый лед... И две тысячи лет — война, война без особых причин. Война — дело молодых...»* Скажи мне, Миша, откуда у семнадцатилетнего комсомольца, сына уважаемого работника Горкома, такие мрачные, я бы сказал, геополитические предчувствия? О какой войне в конце семьдесят девятого года ты поешь? У нас мирное небо над головой, Леонид Ильич борется за разрядку международной напряженности...

Миша сделал глоток горячего чая. Лимон приятно обжег язык. Час икс настал. Легенда про «патриотический рок и воинов-интернационалистов», которая сработала с глуповатой комсомолькой Голубевой, здесь не продержится и пяти секунд. Костин — профессиональный аналитик Пятого управления КГБ. Он видит скрытые смыслы там, где их нет, а тут... тут они были.

— Игорь Владимирович, — Миша поставил кружку на стол и посмотрел майору прямо в зрачки. — Вы ведь возглавляете аналитический отдел, верно? Вы изучаете закрытые сводки по ситуации в Азии. В частности — в Демократической Республике Афганистан.

Майор Костин замер. Его рука с авторучкой застыла над бумагой. Доброжелательная маска вежливого следователя мгновенно сползла, обнажив жесткое, хищное лицо оперативника спецслужбы.

— Откуда у тебя эта информация, Артемьев? — голос Ко-

стина упал до леденящего шепота. — Документы по Афганистану имеют гриф «Особой важности». Твой отец к ним доступа не имеет. Кто твой источник? Цепочка? Связной?

Миша внутренне усмехнулся. В его распоряжении был самый мощный козырь, какой только мог быть у человека — знание точной хронологии будущего.

— Источника нет, товарищ майор. Есть аналитический ум. Если сложить официальные новости о визитах наших военных советников в Кабул, экономическую ситуацию с ценами на нефть и активизацию американцев в Пакистане, вывод напрашивается сам собой, — Миша подался вперед, понизив голос. — Хотите, я сделаю вам официальный прогноз, как аналитик аналитику? Под протокол или без — решайте сами.

Костин молчал секунд десять, буравя Мишу взглядом, способным расколоть бетонную плиту. Наконец он медленно нажал кнопку селектора на столе:— Леночка, ко мне никто не заходит. Телефонные звонки заблокируйте.

Майор откинулся на спинку кресла и скрестил пальцы на груди.— Я слушаю тебя, Артемьев. Удиви меня. Но помни: если ты сейчас просто бредишь, из этого здания ты выйдешь со справкой из психдиспансера.

— Меньше чем через три месяца, в двадцатых числах декабря этого года, Политбюро ЦК КПСС примет окончательное решение о вводе ограниченного контингента советских войск в Афганистан, — спокойно, без тени сомнения произ-

нес Миша. — Операция начнется со штурма дворца Амина силами спецназа. И эта война, Игорь Владимирович, затянется на долгие десять лет. Она унесет тысячи жизней тех самых «молодых парней», о которых я пел. И именно она станет одной из причин... тяжелейшего кризиса нашей системы к концу восьмидесятых.

В кабинете воцарилась такая тишина, что было слышно, как на улице, за три этажа отсюда, шуршат шинами редкие автомобили. Майор Костин сидел неподвижно, словно превратился в гранитный памятник самому себе. Его лицо медленно приобретало серый оттенок. Строчки из песни про «группу крови на рукаве» и «порядковый номер» в его голове мгновенно выстроились в жуткую, идеально логичную картину тактической экипировки спецподразделений.

— Ты... ты понимаешь, что ты сейчас наговорил на высшую меру, щенок? — тихо, с трудом сдерживая внутреннюю дрожь, спросил Костин.

— Я наговорил на звание полковника для вас, Игорь Владимирович, если вы вовремя положите эту аналитическую записку на стол руководству, — Миша спокойно допил чай. — Я не шпион и не предатель. Я советский музыкант. И я хочу, чтобы моя страна выиграла Олимпиаду-80, а не увязла в масштабном кризисе. Мой «аналитический дар» может служить государству. Но взамен мне нужна свобода творчества. Мою группу «Резонанс» и Светлану Соколову никто не должен трогать. Ни комсомол, ни ОБХСС, ни Савельев. Нам

нужен зеленый свет на выпуск пластинки и студия на «Мелодии».

Костин медленно поднялся, подошел к окну и долго смотрел на площадь Дзержинского. Его спина была напряжена. Он понимал, что перед ним сидит либо гениальный сумасшедший, либо феноменальный пророк, ценность которого для Комитета превышает ценность десятка резидентур за рубежом.

— Допустим, — не оборачиваясь, произнес майор. — Допустим, я тебе поверил, Артемьев. Мы проверим твой «прогноз» в декабре. Если ты соврал — пеняй на себя. Но если всё случится так, как ты сказал... ты станешь моим личным секретным консультантом. А пока... студию на «Мелодии» вы получите. Я лично подпишу бумагу о кураторстве вашего коллектива по линии госбезопасности. КГБ тоже нужна хорошая музыка к Олимпиаде. Но учти, Миша... отныне ты под колпаком. Каждый твой шаг, каждый хит и каждая строчка будут проверяться мной лично.

Майор повернулся и протянул Мише его кассету *Maxell*. — Иди, сержант звука. Работай. Смена регистра началась.

Глава 2. Студия на Станкевича

Кирпичное здание бывшей англиканской церкви в малом переулке Станкевича выглядело монументально и строго. Именно здесь располагалось святая святых советской музыкальной индустрии — Государственная центральная студия звукозаписи фирмы «Мелодия». Обычному смертному, а уж тем более подростку с гитарой, сюда путь был заказан. У входа курили холеные музыканты из официальных ВИА в югославских кожаных куртках, а у обочины парковались черные номенклатурные машины.

Миша шел уверенно, бережно держа за локоть Свету. Девочка то и дело поправляла воротник своего нового кашемирового пальто и испуганно оглядывалась на прохожих.

— Миш, а нас точно не выгонят? — тихо спросила она, когда они подошли к тяжелым дубовым дверям. — Мама до сих пор думает, что я на дополнительных занятиях по гармонии. Если нас заберет милиция...

— Нас охраняет организация посерьезнее, Светик, — подмигнул Миша. — Привыкай к хорошему звуку.

В вестибюле, похожем на суровый советский Наркомпрос, дорогу им преградил классический вахтер — седой старик в синем халате с грозным взглядом ветерана тыла.

— Куда? Назад! Пропуска предъявляем! — гаркнул вахтер, выставя вперед мозолистую руку. — Посторонним в

студийный блок нельзя! Молодежь, ищите выход с обратной стороны!

Миша даже не замедлил шаг. Из внутреннего кармана джинсовки он плавно достал плотную серую бумагу с лаконичным штампом Управления делами КГБ СССР, подписанную лично майором Костиным.

— Группа «Резонанс». Целевое бронирование Третьей студии по олимпийскому ведомственному заказу, — спокойно, без тени эмоций произнес Миша, опуская бумагу прямо на журнал дежурств вахтера. — Оформляйте допуск, товарищ. У нас ровно четыре часа сессии. Время пошло.

Старик близоруко прищурился, вчитался в короткий текст, под которым красовалась круглая печать Лубянки. Его лицо мгновенно вытянулось, а грозный вахтерский запал испарился, уступив место священному советскому трепету перед Комитетом.

— А... да, конечно. Михаил Николаевич, проходите... Третья студия на втором этаже, по коридору направо, — засуетился старик, дрожащими пальцами выписывая временные квитанции. — Вас там уже Юрий Александрович ждет.

Когда они поднялись по крутой лестнице, обшитой звукопоглощающими перфорированными плитами, Миша толкнул массивную звуконепроницаемую дверь Третьей студии.

Внутри было прохладно. В воздухе стоял тонкий аромат дорогого табака и разогретых электронных ламп. За огромным, сияющим сотнями ручек и тумблеров английским мик-

шерным пультом *Solid State Logic*— сумасшедший дефицит, купленный Минкультом за чистую валюту, — сидел человек в ярком вельветовом пиджаке. Юрий Чернявский, закинув ноги на край аппаратной стойки, увлеченно крутил ручку модуляции на своем любимом «Поливоксе».

— О! Прибыли пророки от рок-н-ролла! — Чернявский вскочил, взмахнув лапами своего длинного шарфа, и бросился пожимать Мише руку. — Мишка, парень! Я не знаю, какую магию ты применил на Лубянке, но мне сегодня утром сам директор «Мелодии» лично ключи от этой студии принес! Сказал: «Юрочка, запиши этим детям шедевр, иначе нас всех сошлют на БАМ рельсы укладывать!».

— Меньше слов, Юра, больше звука, — улыбнулся Миша, оглядывая тон-ателье за огромным тройным стеклом. — Нам нужно прописать чистые дорожки для «Победителя» и заложить основу под новый синти-поп трек. Аппарат готов?

— Обижаешь! — Чернявский победно указал на огромные катушечные магнитофоны *Studer*, тихо шуршащие широкой магнитной лентой в углу. — Частотка идеальная. Динамический диапазон — закачаешься. Светлана, прошу в вокальную кабину! Там немецкий микрофон *Neumann* висит, он твой голос запишет так, что у Пугачевой инфаркт случится от зависти.

Света, глубоко вздохнув, зашла за стекло. Миша помог ей настроить высоту тяжелого студийного журавля. Девочка надела наушники, и её серые глаза через стекло уставились

на Мишу с абсолютным доверием и готовностью.

Миша вернулся к пульту, сел рядом с Чернявским и положил пальцы на фейдеры. Опыт шестидесятидвухлетнего звукорежиссера мгновенно взял свое. Его глаза загорелись профессиональным азартом. В ХХI веке он сводил треки на копеечных ноутбуках, а здесь, в 1979 году, в его распоряжении была мощнейшая аналоговая база великой империи.

— Так, Юра, пусти бас с «Поливокса» на третью дорожку. Мою гитару пустим через ламповый преамп с небольшим перегрузом. Борька Щукин свою партию барабанов дома настучал, мы её с мастера «Акая» перенесем через фильтр, чтобы вычистить подвальный гул. Костян, на органе дай легкое вибрато, — Миша отдавал команды четко, как капитан подводной лодки.

Чернявский только успевал щелкать тумблерами, с нарастающим уважением поглядывая на семнадцатилетнего подростка. Такой уровень понимания частотного баланса и частотной эквализации среди советских музыкантов был редкостью.

Миша нажал кнопку внутренней связи со студией:— Светка, слышишь меня? Давай первый дубль. Спокойно, на опоре. Помни, КГБ ждет от нас гимн, а мы дадим им революцию. Поехали.

Чернявский нажал тяжелую кнопку *Rec*. Огромные бобины «Штудера» плавно двинулись, увлекая коричневую ленту вглубь магнитных головок. В наушниках Светы и в монито-

рах аппаратной поплыли первые, невероятно плотные, космические звуки электронного вступления.

Света закрыла глаза, поймала ритм и открыла рот. Её хрустальное сопрано, подхваченное первоклассным немецким микрофоном, заставило стрелки индикаторов пульта SSL бешено заплясать в такт музыке. Это был чистый, концентрированный триумф звука.

Глава 3. Черный лед на Садовом

Запись сингла выжала их до капли. Когда «Штудер» замер, смолкнув на финальном аккорде, Юрий Чернявский обессиленно откинулся на спинку кресла, дико хохоча и качая головой. Светка вышла из вокальной кабины, пошатываясь от эмоционального выгорания, с непривычно блестящими, лихорадочными глазами. Миша просто молча перевел дыхание. Его шестидесятидвухлетний продюсерский опыт кричал: *это хит уровня «Песни года»*. Только без нафталина и советской эстрадной скуки. Чистая, звенящая энергия будущего.

— Ленту я забираю, — Миша аккуратно снял тяжелую бобину с фиксаторов магнитофона, упаковывая её в плотную картонную коробку. — На Станкевича оставлять нельзя. Голубева и Савельев землю носом рыть будут, чтобы найти повод для реванша. А у нас пари с отцом, время идет.

— Куда ты её теперь, Миша? — Света зябко поправила пальто, когда они вышли на темную, продуваемую осенним ветром Неглинную. — На Лубянку, майору Костину?

— Рано, — Миша прижал коробку к груди. — Костину нужен готовый результат, а не просто кусок пластика. Нам нужен тираж. Настоящий, легальный тираж, который нельзя будет изъять из магазинов под предлогом «идеологического брака».

Он довел Свету до станции метро «Проспект Маркса», пообещав позвонить завтра из автомата, а сам поймал пахнущую бензином и старой кожей зеленоглазую «Волгу»-такси.

— На Садово-Кудринскую, шеф, — бросил он водителю в кепке. — Поторапливайся.

В закрытом на ночь комиссионном магазине горел лишь тусклый свет в глубине подсобки. Миша обошел здание с черного хода, трижды коротко стукнув в глухую железную дверь.

Дверь приоткрылась со скрипом. На пороге стоял Юрий Шмилевич Айзенштадт. Его золотые часы «Полет» тускло поблескивали в темноте, а колючий взгляд черных глаз мгновенно зафиксировал коробку в руках Миши.

— Быстро ты, Артемьев, — буркнул Айзенштадт, пропуская парня внутрь, где пахло дорогим заграничным кофе и запечатанным винилом. — Чернявский не подвел?

— Сделал конфету, Юрий Шмилевич, — Миша бережно опустил коробку на полированный стол товароведа Эдуарда Романовича, который сам испуганно сидел в углу, попивая коньяк из хрустальной стопки. — Здесь чистый мастер-пласт. Нео-романтика, советский синти-поп. Такого на Апрелевском заводе еще не печатали.

Айзенштадт аккуратно, кончиками пальцев, словно прикасался к музейному экспонату, открыл коробку. Его лицо, обычно каменное и циничное, на секунду дрогнуло. Теневой гений проката чуял запах сумасшедших денег и всесоюзного

триумфа на расстоянии километра.

— Апрелевку я беру на себя, — тихо, но веско произнес Айзенштадт, задвигая коробку в свой массивный кожаный портфель. — У меня там свой человек на штамповке, начальник смены. За пару ящиков дефицитного индийского чая и блок «Мальборо» он зарядит матрицу в ночную смену, мимо официального плана Гостелерадио. Мы отпечатаем первую пробную партию — десять тысяч миньонов. На гибком пластике, синем таком, олимпийском. Распихаем по киоскам «Союзпечати» под видом сувенирной продукции к Олимпиаде-80.

— Рискнешь, Шмильевич, — подал голос из угла притихший товаровед. — Голубева из комсомола уже запрашивала списки тех, кто импортную аппаратуру через нас оформлял. Ищет, под кем Артемьев ходит. Если она на Апрелевку выйдет — нас всех ОБХСС за яйца возьмет.

— Голубева пусть пыль глотает, — жестко отрезал Айзенштадт, застегивая замки портфеля с характерным металлическим щелчком. — У нее масштаб мелкий, районный. А у нас тут, Эдик, пахнет всесоюзным тиражом. Миша, до декабря успеем?

— Успеем, — твердо ответил Миша, помня свой разговор на Лубянке. — В двадцатых числах декабря ситуация в стране изменится так, что всем министерствам станет не до контроля за молодежными пластинками. Поверь мне на слово. Главное — выдать тираж в розницу до этого момента. Чтобы

люди успели раскупить.

Они вышли через черных ход вместе. Ночная Москва 1979 года была тихой, завернутой в густой осенний туман. Редкие троллейбусы уходили в депо, шурша штангами по мокрым проводам.

Миша шел пешком по Садовому кольцу, чувствуя, как ледяной воздух остужает раскаленную от мыслей голову. Настоящая вирусная магистраль, которую они запустили через проводников поездов, уже подготовила почву. Страна хотела эту музыку. Люди устали от официоза.

Внезапно из тумана, у парапета Смоленского бульвара, бесшумно выкатился темно-синий милицейский «УАЗик». Фары полоснули по глазам Миши резким, желтым светом. Машина резко затормозила, заблокировав тротуар.

Дверь открылась, и из нее грациозно, чеканя шаг высокими каблуками сапог, вышла Лариса Голубева. На ней было строгое шерстяное полупальто, а в руках она сжимала какую-то официальную папку со штампом. За её спиной из машины неторопливо вылезли двое крепких парней в штатском — судя по стрижкам и тяжелым подбородкам, это были не обычные менты, а оперативники из спецдружины при Горкоме.

— Ну здравствуй, Артемьев, — Лариса улыбнулась, и эта улыбка на фоне ночного Садового кольца выглядела зловеще. — Думал, папа из горкома и твои выдуманные олимпийские заказы тебя вечно защищать будут? Мы провери-

ли архивы сектора пропаганды. Никакого проекта «Ритмы дружбы» там не утверждалось. Ты заврался, мальчик. И твой приятель Айзенштадт со своими левыми кассетами уже под плотным наблюдением ОБХСС.

Она сделала шаг ближе, и в её глазах вспыхнул огонь фанатичной советской бюрократии, готовой уничтожить любого, кто не вписывался в инструкции.

— Товарищи, задержите его до выяснения личности, — скомандовала она дружинникам, указывая на Мишу. — Портфель и карманы проверить на предмет незарегистрированной иностранной валюты и антисоветских материалов. Посмотрим, что твой отец запоем завтра на бюро обкома...

Миша спокойно опустил руки в карманы джинсов. Его сердце даже не ускорило бег. Шестидесятидвухлетний звукорежиссер внутри него лишь устало вздохнул. Настало время применить его главный, самый тяжелый щит — Лубянский.

Глава 4. Звонок особого назначения

Двое дружинников в одинаковых драповых пальто синхронно шагнули к Мише, слаженно заходя с флангов. Лариса Голубева замерла чуть позади. На ее лице играла торжествующая улыбка человека, который наконец-то поймал скользкую рыбину за хвост и теперь готовится сдать ее начальству ради долгожданного продвижения по службе.

— Руки из карманов, парень, — глухо бросил тот дружинник, что был пошире в плечах, и протянул руку к лацкану Мишиной куртки. — И без глупостей. Спецдружи́на Горкома комсомола. Пройдем в машину.

Миша даже не шелохнулся. Он медленно, подчеркнуто плавно вытащил правую руку из кармана джинсов. Но вместо кошелька с фарцовщицкими рублями или пачки дефицитных сигарет он держал между пальцами маленькую, вырванную из блокнота бумажку, сложенную вчетверо.

— Лариса Игоревна, — спокойно, без тени страха произнес Миша, глядя комсоргу прямо в глаза. — Вы совершаете очень серьезную должностную ошибку. Последствия которой не сможет разгрести даже ваш покровитель в обкоме.

Голубева высокомерно хмыкнула, скрестив руки на груди:— Ошибку? Ошибку совершил ты, Артемьев, когда ре-

шил, что умнее всех. Ты обычный фарцовщик и спекулянт, прикрывающийся папиной должностью. Обыскивайте его, ребята.

— На этой бумажке, — Миша слегка приподнял руку, не давая дружиннику схватить себя, — написан прямой семизначный номер телефона. Пятый отдел Управления КГБ по Москве и Московской области. Майор Костин Игорь Владимирович.

Дружинники замерли. Рука крепкого малого в драповом пальто так и повисла в воздухе в паре сантиметров от Мишиного плеча. Слово «КГБ» в Советском Союзе семьдесят девятого года обладало магическим, парализующим действием на любых низовых активистов. Органы госбезопасности были вещью в себе — силой, в дела которой комсомольские дружины не имели права вмешиваться ни при каких обстоятельствах.

— Что ты мелешь?... — Голубева сделала шаг вперед, но ее победный пыл заметно угас. В глазах промелькнула тень сомнения. — Какой еще майор? Какой пятый отдел? Ребята, не слушайте его, он просто блефует!

— Проверить блеф очень просто, — Миша кивнул в сторону тускло светящейся стеклянной будки телефон-автомата, стоявшей в тридцати метрах от них на углу переулка. — Вон автомат. Шеф, у тебя двухкопеечная монета найдется? Давай дойдем. Наберешь номер, представишься. Скажешь майору Костину, что спецдружина Горкома прямо сей-

час срывает оперативную разработку по выявлению каналов нелегального валютного оборота у гостиницы «Космос». И что гражданин Айзенштадт ушел с мастер-лентой только потому, что вы решили устроить здесь проверку комсомольских мандатов.

Дружинники переглянулись. Тот, что пошире, медленно опустил руку и повернулся к Голубевой.

— Ларис... Слышь, а если парень не врет? — вполголоса пробасил он, нервно переминаясь с ноги на ногу на холодном асфальте Садового. — Нам проблемы с Комитетом перед Олимпиадой вообще ни к чему. Нас потом начальники из Горкома сами с кашей съедят.

— Да не может у него быть никаких связей! — сорвалась на фальцет Голубева, но в ее голосе уже явственно слышалась паника. Шаблон идеальной облавы трещал по швам. Парень вел себя слишком уверенно для пойманного за руку подростка.

— Идем к автомату, — отрезал широкий дружинник. Он выудил из кармана две копейки и кивнул Мише: — Шагай впереди. Но без фокусов.

Вся процессия гуськом дошла до будки. Миша зашел внутрь вместе с широким дружинником. Тот опустил монету в щель допотопного дискового таксофона, взял тяжелую черную трубку и под диктовку Миши набрал семь цифр.

После трех длинных гудков в трубке щелкнуло, и раздался сухой, бодрый, несмотря на глубокую ночь, голос дежур-

ного:— Дежурный по управлению, слушаю.

Дружинник сглотнул, внезапно почувствовав, как вспотели ладони.— З-здравствуйте. Это спецдružина Горкома комсомола. Мы тут на Садовом задержали гражданина Артемьева Михаила Николаевича... Он говорит, что работает под кураторством майора Костина Игоря Владимировича.

В трубке повисла короткая пауза. Затем послышался шорох переключаемой линии, и через десять секунд в мембране раздался тот самый, знакомый Мише леденящий баритон майора Костина:— Майор Костин. Кто у телефона?

Дружинник вытянулся по стойке «смирно» прямо внутри тесной телефонной будки, едва не задев головой плафон.— Товарищ майор! Старший оперативный отряда дружины Горкома... Савельев Николай. Мы тут Артемьева проверили по ориентировке...

— Савельев, слушай меня внимательно, — голос Костина из трубки прозвучал так отчетливо, что Миша, стоявший рядом, улыбнулся. — Передай трубку Артемьеву. А сам вынь руки из карманов и забудь все, что ты видел последние полчаса. Если хоть одно слово из этой ночной встречи уйдет дальше твоей дружины — завтра утром ты будешь давать показания на Лубянке. Вопросы есть?

— Н-никаких, товарищ майор! — побледнел дружинник и дрожащей рукой протянул трубку Мише.

Миша взял холодный пластик:— Да, Игорь Владимирович. На связи.

— Михаил, ты почему еще не дома? — недовольно буркнул Костин. — Что за самостоятельность? Почему вокруг тебя вечно крутятся эти комсомольские активисты?

— Проверяли каналы сбыта, товарищ майор, — легально соврал Миша, намекая на Айзенштадта. — Материал ушел в работу. Всё под контролем. Но Лариса Игоревна Голубева проявляет излишнюю бдительность, которая мешает делу.

— Я понял тебя. Дай трубку Савельеву.

Миша вернул трубку дружиннику. Тот послушал секунд тридцать, бледнея с каждым словом, постоянно повторяя: «Есть. Так точно. Понял, товарищ майор. Никаких записей». Наконец, он повесил трубку на рычаг и медленно вышел из будки, вытирая пот со лба.

Голубева подбежала к нему, нервно сжимая свою папку:— Ну? Что там? Кому он звонил? Савельев, почему ты молчишь?!

Широкий дружинник посмотрел на нее как на чумную, сделал шаг назад и сухо бросил второму:— Коля, в машину. Операция отменяется.

— Как отменяется?! — Лариса едва не задохнулась от возмущения. — Вы с ума сошли? Я буду жаловаться первому секретарю!

— Жалуйся кому хочешь, Лариса, — отрезал Савельев, уже садясь на переднее сиденье «УАЗа». — Но без нас. Нам своя шкура дороже твоих амбиций. Парень чистый. Поехали, Коля.

Милицейский внедорожник взревел мотором, сорвался с места и через секунду растворился в густом осеннем тумане Садового кольца.

Миша медленно вышел из телефонной будки. Лариса Голубева осталась стоять одна на пустом тротуаре. Ее строгий номенклатурный мир, где все решали папки с инструкциями и комсомольские выговоры, только что разлетелся вдребезги при столкновении с реальной, тайной силой советского государства. Она смотрела на Мишу с дикой смесью ярости и первобытного страха.

— Это еще не конец, Артемьев... — прошептала она посиневшими от холода губами. — Вы все равно где-нибудь ошибетесь. И твой майор тебя не спасет.

— Спокойной ночи, Лариса Игоревна, — Миша вежливо приподнял воображаемую шляпу, развернулся и неторопливо пошел в сторону дома.

Пари с отцом тикало, но главный, самый опасный рубеж был пройден. Наступал декабрь. Время, когда его пророчество об Афганистане должно было сбыться, окончательно превратив «Сержанта звука» в неприкосновенную фигуру на шахматной доске великой империи.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.